

Визит Молотова

Когда в декабре 1941 года Иден посетил Москву, он столкнулся с конкретными требованиями русского правительства о признании советских границ на Западе и в том виде, в каком они существовали в то время. Русские хотели добиться в рамках любого общего договора о союзе определенного признания оккупации ими Прибалтийских государств и их новой границы с Финляндией. Иден отказался взять на себя какие-либо обязательства по этому поводу, подчеркнув, между прочим, что мы дали обещание правительству Соединенных Штатов не вступать в ходе войны ни в какие тайные соглашения о пересмотре территориальных границ.

К концу этого совещания было решено, что Иден передаст советские требования как английскому кабинету, так и Соединенным Штатам и что они должны быть рассмотрены в ходе будущих переговоров о заключении официального англо-советского договора. Правительство Соединенных Штатов было полностью информировано о том, что произошло. Его позиция в отношении русских предложений была резкой и отрицательной. С американской точки зрения, принятие такого рода требований было бы прямым нарушением принципов Атлантической хартии.

Когда вскоре после вступления Америки в войну я прибыл в Вашингтон и Иден сообщил мне о желании советского правительства проглотить Прибалтийские государства, моя реакция на это была отрицательной. Но теперь, тремя месяцами позже, под давлением событий, я не думал, что эту моральную позицию физически возможно сохранить. В борьбе не на жизнь, а на смерть неправильно брать на себя большее бремя, чем в состоянии нести те, кто сражается за великое дело. Мои взгляды в вопросе о Прибалтийских государствах были и остаются неизменными, но я считал, что в то время я не мог на них настаивать.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

7 марта 1942 года

Возрастающая серьезность войны заставила меня прийти к выводу, что принципы Атлантической хартии не следует истолковывать таким образом, что они лишают Россию границы, которые она занимала,

когда на нее напала Германия. Это было основой, на которой Россия присоединилась к хартии, и я полагаю, что русские, заняв эти районы в начале войны, провели суровый процесс ликвидации враждебных элементов в Прибалтийских государствах и т. п. Поэтому надеюсь, Вы сможете предоставить нам свободу рук для подписания договора, которого Сталин желает как можно скорее. Все предвещает возобновление весной в громадных масштабах германского вторжения в Россию, и мы мало что можем сделать, чтобы помочь этой единственной стране, ожесточенно сражающейся с германскими армиями.

Президент и государственный департамент, однако, оставались при своем мнении, и, как будет видно ниже, мы в конечном счете пришли к лучшему выводу.

* * *

Премьер-министр — премьеру Сталину
9 марта 1942 года

1. Я отправил президенту Рузвельту послание, убеждая его одобрить подписание между нами соглашения относительно границ России по окончании войны.

2. Я дал специальные указания о том, чтобы обещанные нами поставки никоим образом не прерывались и не поступали с опозданием.

3. Теперь, когда погода улучшается, мы возобновляем как в дневное, так и в ночное время свое мощное наступление на Германию с воздуха. Мы продолжаем изучать другие меры для того, чтобы снять с Вашей страны некоторую часть бремени.

4. Продолжающееся продвижение русских армий и ужасные потери врага, о которых известно, естественно, являются источником величайшего ободрения для нас в период испытаний.

Премьер Сталин — премьер-министру
15 марта 1942 года

Очень благодарен Вам за Ваше послание, переданное в Куйбышеве 12 марта.

Приношу Вам признательность советского правительства за сообщение о принятых Вами мерах по обеспечению поставок для СССР и по усилению воздушного наступления на Германию.

Выражаю твердую уверенность в том, что совместные усилия наших войск, несмотря на отдельные неудачи, в конечном счете сломят силы нашего общего врага и что 1942 год будет решающим в повороте событий на фронте борьбы с гитлеризмом.

Что касается первого пункта Вашего послания — о границах СССР, то я думаю, что придется еще обменяться мнениями о тексте соответствующего договора в случае, если он будет принят обеими сторонами для подписания.

Президент в то время также был в хороших отношениях с Советами, и в предыдущей главе мы видели его упоминание о визите Молотова в Вашингтон. Он предпочел бы, чтобы уполномоченный прибыл сначала в Соединенные Штаты, но Сталин запланировал иначе.

*Премьер Сталин — премьер-министру
23 апреля 1942 года*

...На днях советское правительство получило от г-на Идена проекты двух договоров между СССР и Англией, существенно отличающиеся в некоторых пунктах от текста договоров, фигурировавших во время пребывания г-на Идена в Москве. Ввиду того что это обстоятельство ведет к новым разногласиям, которые трудно исчерпать в порядке переписки, советское правительство решило, несмотря на все трудности, направить в Лондон В. М. Молотова для исчерпания путем личных переговоров всех вопросов, тормозящих подписание договоров. Это тем более необходимо, что вопрос о создании второго фронта в Европе, поставленный в последнем послании президента США г-на Рузвельта на мое имя с приглашением В. М. Молотова в Вашингтон для обсуждения этого вопроса, требует предварительного обмена мнений между представителями наших правительств.

Примите мой привет и пожелание успеха в борьбе с врагами Великобритании.

*Премьер-министр — премьеру Сталину
25 апреля 1942 года*

Весьма Вам благодарен за Ваше послание от 23 апреля. Мы, конечно, будем приветствовать визит г-на Молотова, с которым, я уверен, мы сможем проделать много полезной работы. Я очень рад, что Вы находите возможным разрешить этот визит, который, я уверен, будет весьма ценным.

*Бывший военный моряк — президенту Рузвельту
24 апреля 1942 года*

По поводу того, что Вы указываете в Вашей телеграмме о поездках Молотова, я получил от Сталина послание, в котором говорится, что он

посылает М. сюда, чтобы обсудить некоторые расхождения в проектах нашего соглашения, которые он желает уладить как можно скорее. Возможно, что он уже в пути.

Как Вы понимаете, теперь я не могу предложить ему изменить порядок своих визитов. Поэтому в том случае, если Молотов будет сильно на нас нажимать, я предполагаю согласиться на обсуждение наших проектов и буду надеяться, что основные трудности удастся уладить. Но я предложу ему, чтобы он затем поехал в Вашингтон и повидал Вас, прежде чем что-либо будет окончательно подписано.

* * *

Молотов приехал только 20 мая, и на следующее же утро началось официальное обсуждение. В тот день и на двух следующих совещаниях русские придерживались своей первоначальной позиции и даже подняли конкретно вопрос о согласии на занятие русскими Восточной Польши. Это было отвергнуто как несовместимое с англо-польским соглашением от августа 1939 года. Молотов поднял также вопрос относительно признания в секретном соглашении претензий России к Румынии. Это также противоречило нашей договоренности с Соединенными Штатами. Переговоры в министерстве иностранных дел, которые вел Иден, хотя и проходили в самой дружественной обстановке, шли к тупику. Молотов приехал в Лондон, чтобы кроме решения вопроса о договоре узнать наши взгляды по поводу открытия второго фронта. Ввиду этого утром 22 мая я имел с ним официальную беседу.

Молотов начал с сообщения о том, что советское правительство поручило ему поехать в Лондон для обсуждения вопроса о создании второго фронта. Это не было новой проблемой. Впервые она была поставлена около десяти месяцев назад, а затем сравнительно недавно толчок этому был дан президентом Рузвельтом, который предложил г-ну Сталину, чтобы он (г-н Молотов) отправился в Соединенные Штаты обсудить этот вопрос. Хотя в данном случае инициатива исходила от Соединенных Штатов, советское правительство сочло целесообразным, чтобы он поехал в Соединенные Штаты через Лондон, поскольку именно на Великобританию должна выпасть первоначально главная задача по организации второго фронта.

Цель его визита — выяснить, как рассматривает английское правительство перспективу отвлечения в 1942 году по меньшей мере 40 германских дивизий из СССР, где в данный момент перевес в вооруженных силах принадлежит, по-видимому, немцам.

Отвечая Молотову, я изложил ему суть наших общих взглядов по поводу будущих операций на континенте. Во всех предыдущих войнах контроль на море давал державе, обладавшей им, великое преимущество — возможность высадиться по желанию на неприятельском побережье,

поскольку противник был не в состоянии подготовиться во всех пунктах к отражению вторжения с моря. Появление авиации изменило положение. Например, во Франции, Бельгии и Голландии противник может за несколько часов перебросить свою авиацию к угрожаемым пунктам в любой части побережья, а горький опыт показал, что высадка десанта при наличии сильного неприятельского сопротивления в воздухе не является разумным военным предприятием.

Неизбежным последствием этого является то, что значительные участки побережья континента не могут быть использованы нами в качестве мест для высадки войск и судов. Поэтому мы вынуждены изучать свои шансы на высадку в тех районах побережья, где наше превосходство в истребительной авиации дало бы нам контроль в воздухе. По сути дела, наш выбор сводится в Па-де-Кале, оконечности Шербурского полуострова и части района Бреста. Проблема высадки войск в этом году в одном или нескольких из этих районов изучается, и подготовка ведется. В своих планах мы исходим из предположения, что высадка последовательными эшелонами штурмовых войск вызовет воздушные бои, которые, в случае если они продолжатся неделю или десять дней, приведут к фактическому уничтожению неприятельской авиации на континенте. Когда это будет достигнуто и сопротивление в воздухе ликвидировано, в других пунктах побережья смогут быть высажены десанты под прикрытием нашего превосходящего по силе морского флота.

Критическим моментом в разработке наших планов и в приготовлении является вопрос о специальных десантных судах, необходимых для осуществления первоначального десанта на весьма сильно обороняемом неприятельском побережье. К несчастью, наши ресурсы в отношении этого специального типа судов в данный момент строго ограничены. Я сказал, что уже в августе прошлого года, во время встречи в Атлантическом океане, я доказал президенту Рузвельту неотложную необходимость постройки Соединенными Штатами как можно большего числа танкодесантных и других десантных судов. Позднее, в январе этого года, президент согласился на то, чтобы Соединенные Штаты предприняли еще большие усилия в деле строительства этих судов. Мы, со своей стороны, на протяжении более чем года выпускаем столько десантных судов, сколько это допускает наша потребность в строительстве судов для военного и торгового флотов, понесших тяжелые потери.

Однако следует иметь в виду два момента. Во-первых, при всем желании и несмотря на все старания маловероятно, чтобы любой шаг, который мы смогли бы предпринять в 1942 году, будь он даже успешным, отвлек бы с восточного фронта крупные контингенты неприятельских сухопутных сил. В воздухе, однако, положение другое: на различных театрах военных действий мы уже сковываем около половины истребительной и одну треть германской бомбардировочной авиации. Если наш план навязывания

воздушных сражений над континентом окажется успешным, немцы, возможно, столкнутся с необходимостью выбирать между уничтожением в боях всей их истребительной авиации на Западе и отвлечением части своих военно-воздушных сил с Востока.

Второй момент касается предложения г-на Молотова о том, что на-шей целью должно быть отвлечение из России не менее 40 германских дивизий (включая те, которые сейчас находятся на Западе). Следует от-метить, что в настоящий момент перед нами в Ливии стоят 11 дивизий Оси, из которых 3 — германские, в Норвегии — эквивалент 8 германских дивизий и во Франции, Голландии и Бельгии — 25 германских дивизий. Это составляет в общей сложности 44 дивизии.

Но мы этим не удовлетворяемся, и, если можно будет предпринять какие-то дальнейшие усилия или разработать план облегчения в этом году бремени, лежащего на России, мы не поколеблемся сделать это при условии, что этот план будет здравым и разумным. Ясно, что ни делу русских, ни делу союзников в целом не принесло бы пользы, если бы, действуя любой ценой только для того, чтобы действовать, мы предпри-няли операцию, которая кончилась бы катастрофой и дала бы противнику повод для похвальбы, а нас ввергла бы в замешательство.

Молотов сказал, что он не сомневается в том, что Англия искренне желает успеха Советской Армии в боях против немцев этим летом. Ка-ковы же, с точки зрения английского правительства, перспективы на со-ветский успех? Каковы бы ни были его взгляды, он будет рад услышать откровенное выражение мнения — будь то хорошее или плохое.

Я сказал, что без детального знания ресурсов и резервов обеих сторон трудно составить твердое суждение по этому вопросу. В прошлом году военные эксперты, включая германских, думали, что Советскую Армию можно подавить и одолеть. Оказалось, что они полностью ошиблись. В ко-нечном результате советские силы нанесли поражение Гитлеру и чуть не привели его армию к катастрофе. Поэтому союзники России глубоко верят в силу и способности Советской Армии. Данные разведки, которыми располагает английское правительство, не указывают на то, что немцы сосредоточивают огромные силы на каком-то отдельном участке восточ-ного фронта. Кроме того, сейчас представляется маловероятным, чтобы широкое наступление, объявленное на май, произошло раньше июня. Во всяком случае, не похоже, чтобы гитлеровское наступление в этом году могло быть таким сильным и угрожающим, как наступление 1941 года.

Тогда Молотов спросил, каково будет положение и позиция англий-ского правительства в случае, если Советская Армия не выдержит в те-чение 1942 года.

Я сказал, что, если бы советская военная мощь серьезно сократилась в результате германского натиска, Гитлер, по всей вероятности, перебро-сил бы как можно больше войск и авиации на Запад с целью вторжения

в Великобританию. Он может также нанести удар на юг через Баку по Кавказу и Персии. Это последнее наступление подвергло бы нас величайшим опасностям, и мы отнюдь не уверены, что у нас достаточно сил, чтобы его отразить. Поэтому наша судьба связана с сопротивлением Советской Армии. Тем не менее, если вопреки ожиданиям она будет разбита и если наступит самое худшее, мы будем продолжать борьбу дальше. В конечном счете силы Великобритании и Соединенных Штатов взяли бы верх. Но какой трагедией для человечества явилось бы такое затягивание войны! Какие серьезные надежды возлагаются на русскую победу и как горячо стремление к тому, чтобы мы сыграли свою роль в победе над злым врагом!

Под конец нашего разговора я попросил г-на Молотова помнить о трудностях вторжения через море. После того как Франция выпала из войны, Великобритания осталась почти оголенной, имея несколько плохо снаряженных дивизий, менее сотни танков и менее 20 полевых орудий. И все же Гитлер не попытался предпринять вторжение в силу того, что он не мог добиться господства в воздухе. Те же трудности стоят перед нами в настоящее время.

* * *

23 мая Иден предложил заменить территориальное соглашение общим и открытым договором о союзе сроком на 20 лет, не содержащим никакого упоминания о границах. К вечеру того же дня русские проявили признаки уступчивости. На них произвела большое впечатление солидарность взглядов английского и американского правительств, с которой они столкнулись. На следующее утро Молотов запросил у Сталина разрешение вести переговоры на основе проекта Идена. Москва предложила мелкие изменения, в основном подчеркивавшие долгосрочный характер намечаемого союза. Договор без всяких территориальных статей был подписан 26 мая.

После урегулирования этого серьезного вопроса Молотов выехал в Вашингтон, чтобы начать с президентом и его советниками общие военные переговоры по вопросу об открытии второго фронта. Было решено, что, выслушав американскую точку зрения, он вернется в Лондон для окончательного обсуждения этого вопроса, перед тем как возвращаться в Москву.

Наши русские гости выразили желание, чтобы во время пребывания у нас их поместили за городом, за пределами Лондона. Поэтому я предоставил в их распоряжение Чекерс. Тем временем я оставался в Сториз-Гейт. Однако на две ночи я поехал в Чекерс. Там я имел возможность долго беседовать в частном порядке с Молотовым и послом Майским, который был замечательным переводчиком, переводившим быстро и легко и очень хорошо знавшим дело. При помощи карт я старался объяснить то, что мы предпринимаем, а также пределы и характерные особенности военных возможностей островной державы. Я также подробно говорил о технике

десантных операций и описывал опасности и трудности сохранения нашей жизненной артерии через Атлантический океан в условиях угрозы нападения германских подводных лодок. Как мне кажется, на Молотова все это произвело впечатление, и он понял, что стоящая перед нами проблема коренным образом отличается от проблемы, которая стоит перед огромной сухопутной державой. Во всяком случае, мы подошли ближе друг к другу, чем в любое другое время.

Глубоко укоренившаяся подозрительность, с которой русские относились к иностранцам, проявилась в ряде замечательных инцидентов во время пребывания Молотова в Чекерсе. По прибытии русские немедленно попросили ключи от всех спален. С некоторым трудом эти ключи раздобыли, и в дальнейшем гости все время держали свои двери на запоре. Когда обслуживающему персоналу Чекерса удалось забраться в спальни, чтобы убрать постели, люди были смущены, обнаружив под подушками пистолеты. Трех главных членов миссии сопровождали не только их собственные полицейские, но и две женщины, которые заботились об их одежде и убирали их комнаты. Когда советские представители уезжали в Лондон, эти женщины все время сторожили комнаты своих хозяев, спускаясь вниз поодиночке, чтобы поесть. Мы можем, однако, утверждать, что затем они несколько оттаяли и даже болтали с прислугой на ломаном французском языке и при помощи жестов.

Чрезвычайные меры предосторожности принимались для обеспечения личной безопасности Молотова. Его комната была тщательно обыскана его полицейскими, опытные глаза которых самым внимательным образом осматривали до мелочей каждый шкаф, каждый предмет мебели, стены и полы. Объектом особенного внимания была кровать; все матрацы были прощупаны на тот случай, не окажется ли там адских машин, а простыни и одеяла были перестланы русскими так, чтобы ее обитатель мог выскочить в одну секунду, а не оказаться закутанным наглухо. На ночь револьвер клали рядом с его халатом и портфелем. Принимать меры предосторожности на случай опасности всегда правильно, в особенности во время войны, но каждое усилие должно соответствовать реальности этой опасности. Простейший метод проверки — это спросить себя, заинтересована ли другая сторона в убийстве данного лица. Что касается меня, то при моих посещениях Москвы я полностью доверял русскому гостеприимству.

Премьер-министр — премьеру Сталину

27 мая 1942 года

Мы очень признательны Вам за то, что Вы пошли так далеко нам навстречу в наших затруднениях в связи с договором. Я уверен, что в Соединенных Штатах это получит соответствующее вознаграждение

и что отныне наши три великие державы смогут идти вперед в ногу и вместе, что бы нас ни ожидало.

Встреча с г-ном Молотовым доставила мне большое удовольствие, и мы сделали многое в смысле устранения преград между нашими двумя странами. Я весьма рад, что он возвращается этим путем, ибо нас ждет еще хорошая работа, которую надо будет проделать.

С продвижением конвоя пока все обстоит благополучно, но теперь он находится в самой опасной части пути. Большое спасибо за меры, которые Вы принимаете, чтобы содействовать его прибытию.

Так как мы взаимно обязались быть союзниками и друзьями в течение двадцати лет, то я пользуюсь этим случаем, чтобы направить Вам свои искренние добрые пожелания и высказать свою уверенность в том, что победа будет за нами.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

27 мая 1942 года

На этой и на прошлой неделе мы с Молотовым очень хорошо поработали. Договор был подписан вчера во второй половине дня в атмосфере большой сердечности с обеих сторон. Молотов — настоящий государственный деятель и обладает свободой действий, весьма отличной от той, которую Вам и мне приходилось наблюдать у Литвинова. Я очень уверен, что Вы сумеете с ним договориться. Пожалуйста, сообщите мне Ваши впечатления.

Тем временем советский представитель находился в воздухе, направляясь в Вашингтон.

Президент Рузвельт — бывшему военному моряку

27 мая 1942 года

Гость ожидается сегодня вечером, но не будет обсуждать «Болеро» до четверга. Желательно быстро получить краткое изложение того, что Вы и он говорили друг другу по поводу «Болеро». Мне было бы полезно знать это.

Под «Болеро» президент имел в виду план «Следжхэммер». Мы это полностью понимали.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

28 мая 1942 года

Вслед за этим сообщением я высылаю немедленно отчет о нашей официальной беседе, который охватывает «Болеро», «Следжхэммер»

и «Сьюпер-Раунд-ап». Дикки (Маунтбэттен) объяснит вам по приезде трудности 1942 года. Я дал также штабам указание изучить вопрос о высадке на севере Норвегии, оккупация которой представляется необходимой для обеспечения потока наших поставок в Россию в будущем году.

Мы никогда не должны позволять себе забывать о «Джимнасте» (высадка во Французской Северной Африке). Все другие приготовления будут полезны в случае необходимости для достижения этой цели.

* * *

Сталин был очень доволен.

Премьер Сталин — премьер-министру

28 мая 1942 года

Я Вам очень признателен за дружеские чувства и добрые пожелания, выраженные Вами по поводу подписания нами нового договора.

Я уверен, что этот договор будет иметь большое значение для дальнейшего укрепления дружественных отношений между Советским Союзом и Великобританией, а также между нашими странами и Соединенными Штатами и обеспечит тесное сотрудничество наших стран после победоносного окончания войны.

Я также надеюсь, что Ваша встреча с Молотовым при его возвращении из Соединенных Штатов даст возможность выполнить работу, оставшуюся еще не выполненной.

Что касается мер охраны конвоя, то можете не сомневаться, что с нашей стороны в этом отношении делается и будет делаться впредь все, что только возможно.

Прошу Вас принять мои искренние добрые пожелания и выражение твердой уверенности в нашей общей полной победе.

* * *

Когда Молотов вернулся в Лондон после своего американского визита, он, естественно, был полон планов создания второго фронта в районе Ла-Манша в 1942 году. Мы сами по-прежнему активно изучали эту идею совместно с американским штабом, но пока что не выявилось ничего, кроме трудностей. Публичное заявление, которое могло бы внушить немцам опасения и, следовательно, задержать как можно больше их войск на Западе, не причинило бы вреда.

Поэтому мы договорились с Молотовым опубликовать коммюнике, обнародованное 11 июня, в котором содержалась следующая фраза:

«Во время переговоров была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Я считал чрезвычайно важным, чтобы при этой попытке ввести в заблуждение врага мы не ввели в заблуждение нашего союзника. Поэтому в то время, как составлялось коммюнике, я лично вручил Молотову в зале заседаний кабинета в присутствии ряда моих коллег памятную записку, из которой ясно следовало, что, хотя мы делаем все от нас зависящее для разработки планов, мы не связываем себя обязательством действовать и мы не можем дать никакого обещания. Когда в дальнейшем советское правительство выступало с упреками и когда Сталин лично ставил передо мной этот вопрос, мы всегда вынимали эту памятную записку и указывали на слова «следовательно, мы не можем дать обещания».

«Памятная записка»

Мы ведем подготовку к высадке на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже объяснялось, основным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных судов. Между тем ясно, что ни для дела русских, ни для дела союзников в целом не было бы полезно, если бы мы, ради действий любой ценой, предприняли какую-либо операцию, которая закончилась бы катастрофой и дала бы противнику удобный случай для похвальбы, а нас ввергла бы в замешательство. Невозможно сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время. Следовательно, мы не можем дать обещание в этом отношении, но если это окажется здравым и разумным, мы не поколеблемся претворить свои планы в жизнь».

Молотов поднялся на самолете в воздух и отправился в свой несколько опасный обратный полет на родину, по-видимому, вполне удовлетворенный результатами своей миссии. Безусловно, между нами создалась атмосфера дружелюбия. Его визит в Вашингтон возбудил в нем большой интерес. Был заключен англо-русский договор сроком на 20 лет, на который в то время все возлагали большие надежды.